

А. В. КРАВЧЕНКО

ОТ ЯЗЫКОВОГО МИФА
К БИОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

ПЕРЕОСМЫСЛЯ
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2013

УДК 80/81

ББК 81

К 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Кравченко А. В.

К 78 От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с.: ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0633-5

В книге ставится вопрос о необходимости переосмысления традиционных познавательных установок и теоретических положений науки о языке. Такая необходимость вызвана отсутствием четко сформулированного идеального проекта языкознания, в результате чего образовался разрыв между теорией и теми практическими задачами, которые наука о языке призвана решить в первую очередь. Обосновывается необходимость новой эпистемологической платформы, призванной вывести науку о языке из методологического тупика, и намечается путь, по которому уже началось движение биологически ориентированной когнитивной науки.

Для широкого круга лингвистов, филологов, философов и методологов науки.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*В оформлении переплета использованы фрагменты
офорта Корнелиса Антониса «Падение Вавилонской башни» (1547 г.)
и рисунка Леонардо да Винчи (1490 г.)*

ISBN 978-5-9551-0633-5

© А. В. Кравченко, 2013

© Издательство «Рукописные памятники
Древней Руси», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: Выбирая курс 7

ЧАСТЬ 1. УХОДЯ ОТ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Глава 1. Что и зачем изучает языкознание?

1.1. Наука о языке и ее объект	23
1.1.1. Речь vs. письмо	23
1.1.2. Литературный язык	32
«Нормативность»	38
«Полифункциональность»	40
«Престижность»	44
1.2. Языкознание в теории и на практике	47
1.2.1. Образовательный парадокс	47
1.2.2. Аксиомы ортодоксального языкознания и языковой миф	56
1.2.3. Лингвистический шаманизм	62
1.2.4. Эмпирическая лингвистика	71
1.3. О пользе и вреде традиций	75

Глава 2. Язык и коммуникация

2.1. Постановка вопроса	82
2.2. Язык как «средство коммуникации»	85
2.3. Коммуникация и «обмен информацией»	87
2.4. «Канал связи» и информация	90
2.5. О непрямом характере коммуникации	97
2.6. Подводя итог	104

Глава 3. Компьютерная метафора в лингвистике

3.1. Постулаты когнитивной науки «первого поколения» ..	106
3.2. Методологическая проблема	110
3.3. Онтологическая проблема	112
3.4. Есть ли альтернатива?	120

Глава 4. О репрезентативности языка

4.1. Наследие рационалистического дуализма	125
4.2. Проблема с «контейнерной» метафорой	131
4.3. Что «репрезентируют» языковые знаки?	139
4.3.1. Объективизм	139

4.3.2. Субъективизм	146
4.3.3. Межсубъектность	149
4.4. Грамматика как семиотическая система	151
4.4.1. Несколько «что»-вопросов	151
4.4.2. Письменная языковая предвзятость грамматики ...	155
4.4.3. Грамматика как знаковые отношения	160
4.4.4. Грамматика и когниция	165
Глава 5. Язык, знание и сознание	
5.1. Эпистемологический поворот	170
5.2. О концептах	173
5.2.1. Концепт как «концептуальная» проблема	173
5.2.2. Концепт в биологии познания и языка	182
5.3. Проблема ментальных репрезентаций	186
5.3.1. Рационалистическая традиция	186
5.3.2. Интернализм vs. экстернализм	190
5.3.3. Когнитивная функция репрезентаций	193
5.4. Язык и когнитивная настройка организма	198
ЧАСТЬ 2. ОТ АНАЛИЗА К СИНТЕЗУ	
Глава 6. Холизм как методологический принцип	
6.1. Недостатки аналитизма	205
6.2. На пути к синтетизму	212
6.3. Проблема метода в когнитивной науке.....	222
Глава 7. Биологическая парадигма в науках о языке	
7.1. Биосемиотика	232
7.1.1. Теоретические предпосылки	232
7.1.2. Основные понятия биосемиотики.....	237
7.1.3. Проблема с познавательными установками	245
7.1.4. Почему кодирование нельзя считать семиозисом	250
7.2. Биолингвистика	254
7.2.1. Биолингвистика генеративного толка	254
7.2.2. Биолингвистика функционального толка	258
7.3. Биокультурная теория значения	261
Глава 8. К распределенной модели когниции и языка	
8.1. Проблема с воплощенной когницией	265

8.2. Распределенная когниция	270
8.3. Язык и когнитивные процессы	272
8.4. Новые направления и проблемы	280
Глава 9. Возвращаясь к гипотезе Сепира-Уорфа	
9.1. Языковой детерминизм как проблема	284
9.2. От гипотезы к теории	289
9.2.1. Теория восприятия Матураны	289
9.2.2. Понятие субстрата	293
9.3. Обновленная объективность	299
9.4. Бытие человека и экология языка	302
Глава 10. Язык и общество	
10.1. Научение языку как когнитивный процесс	309
10.2. Когнитивный феномен функциональной неграмотности.....	317
10.2.1. Грамотность как вид знания и текстовое поле языка	317
10.2.2. Ориентирующая функция текстового поля	325
10.2.3. Функция языка в общественном «организме» ...	330
10.3. Изменения в общественном сознании в зеркале языковых изменений	334
10.3.1. Язык «совка»	334
10.3.2. Гибридизация языка: перезагрузка системы ценностных ориентиров?	342
Эпилог: Камо грядеши?	349
Литература	353

ВВЕДЕНИЕ: ВЫБИРАЯ КУРС

Начало нового столетия, а уж тем более тысячелетия, всегда связано с определенными ожиданиями в отношении грядущих перемен. Если взять ожидания, характерные для современного состояния науки, то они, как правило, связаны с новыми достижениями, открытиями, изобретениями, призванными вывести человечество на качественно новый уровень понимания, усвоения и освоения мира и, тем самым, оказать существенное влияние на качество жизни человека и общества. Однако не секрет, что вступление человечества в новое, третье тысячелетие отмечено, помимо всего прочего, растущим чувством неудовлетворенности в области гуманитарных и общественных наук. Главная причина этой неудовлетворенности кроется в том, что успехи в постижении сущности человеческой природы — если речь можно вести об успехах — остаются весьма и весьма скромными.

Устойчивый процесс гуманизации науки, наблюдавшийся на протяжении всего 20-го столетия, привел к осознанию того, что поиск «объективного» знания о мире будет оставаться довольно бесперспективным предприятием до тех пор, пока в рисуемую наукой картину этого мира не будет включен человек как субъект знания/познания. О необходимости учета наблюдающего мир субъекта при формировании им научного взгляда на свое значение в физике мира ученые начали говорить еще в середине 20 в. (Neumann 1955; Chardin 1956; Schrödinger 1959). Как подчеркивает Джон Серль (Searle 1984: 25), «ошибочно полагать, что определение действительности должно исключать субъективность».¹ Однако для того, чтобы фигура познающего мир человека могла быть включена в научную картину мира, она должна обладать эпистемологическим статусом, сопоставимым с соответствующим статусом любого известного науке «объективного» явления. По большому счету, это означает, что человеческий субъект должен рассматриваться как эмпирический феномен, являющийся *составной частью* того мира, который им концептуализируется и категори-

¹ Здесь и далее цитаты из зарубежных источников даются в авторском переводе. — А. К.

зируется. Эта концептуализация и категоризация проявляется («объективируется») в языке как особом виде естественной (био-социальной) деятельности, свойственной человеку. Подобные языковые проявления обычно понимаются как *структуры знания* или просто *знание*, под которым подразумевается результат познания (*когниции*, в широком смысле слова) как биологически обусловленной содержательной деятельности, целью которой является приобретение *опыта* мира и использование этого опыта во благо людей в их взаимодействии с окружающей средой. Для того, чтобы этот приобретенный опыт мог быть использован, он должен иметь *значение* — нечто, что оказывает ориентирующие воздействия на отдельные человеческие организмы, становясь, тем самым, неотъемлемой частью самого процесса *жизни*.

Без таких ключевых понятий, как *язык, знание, опыт, значение* и *жизнь* не может обойтись ни одна сколько-нибудь серьезная попытка постичь сущность человечности. На протяжении веков такие попытки неоднократно предпринимались в философии, биологии, психологии, антропологии, семиотике, лингвистике и других смежных областях знания. Несомненно, отдельные науки достигли огромных успехов — особенно это справедливо в отношении биологии, сделавшей возможными модификацию живых организмов на генном уровне и клонирование новых организмов из старого клеточного материала. Тем не менее, какими бы впечатляющими ни казались современные достижения в каждой из этих наук, они до сих пор не обладают тем теоретическим инструментарием, который позволил бы вскрыть сущность явлений, составляющих соответствующие каждой из названных наук объекты исследования. Научное сообщество продолжает ломать голову над вопросами: «Что такое знание? Что такое опыт и как он соотносится со знанием? Что такое язык и какова его роль в определении человека как биологического вида? Что такое значение?» И, наконец: «Что такое жизнь?»

Ценность всякой теории, в конечном итоге, определяется тем, насколько ее положения способны оказать влияние на сложившиеся воззрения человека на мир и его место в нем, насколько эти теории применимы на практике и каково, предположительно, их влияние на изменение существенных сторон самой жизни человека. По выражению шведского химика Й. Я. Берцелиуса, ставшему

крылатым, «нет ничего практичнее хорошей теории». Теория, не способная изменить человеческую практику — и, уж тем более, не преследующая такой цели в принципе (а такие теории есть, и их не так уж мало), — будет оставаться всего лишь «овеществленным» свидетельством интеллектуального труда ученого в историческом хранилище человеческих артефактов, предназначение которых с течением времени забывается, а сами они становятся всего лишь забавными (хотя нередко и поучительными) музейными экспонатами.

Прикладные задачи, стоящие перед лингвистической теорией в целом, хорошо известны, и некоторые из них — например, изучение механизма усвоения² языка в связи с проблемой межъязыкового (межкультурного) общения — настолько стары, что порой начинает создаваться впечатление, что они неразрешимы в принципе. На протяжении тысячелетий между народами, говорящими на разных языках, осуществлялись успешные контакты благодаря способности человека овладевать новым, отличным от родного, языком. Потребность в «связистах», осуществляющих такие контакты, с течением времени всегда возрастала, что уже на раннем этапе межэтнических и межкультурных контактов привело к осознанию необходимости выработки методики подготовки специалистов по межкультурному общению, а попросту говоря — переводчиков. И хотя методика обучения неродному (иностранному) языку — одна из старейших прикладных дисциплин в лингвистике, все же самым лучшим методом усвоения неродного языка до сих пор остается метод прямого культурного погружения, когда человек, желающий (или, в некоторых случаях, вовсе не желающий) овладеть неродным языком, оказывается в естественной среде обитания сообщества, говорящего на этом языке. Это значит, что *практическое* научение неродному языку протекает в значи-

² Термин «усвоение языка», утвердившийся в языкознании, не совсем удачен, так как характеризует язык как нечто, находящееся во внешнем по отношению к человеку мире, как вещь или инструмент, которыми мы вольны или невольны воспользоваться. Правильнее было бы говорить о «научении языку» как динамически сложном когнитивном процессе встраивания в рекурсивную совместную деятельность ориентирующего характера. В этой связи мы еще вернемся к вопросу о природе языка.

тельной степени независимо от той или иной теории, используемой в лингвистической дидактике. Это говорит о том, что у последней отсутствует достаточный уровень понимания *феноменологии* процесса усвоения языка.

Другой, относительно нестарой прикладной задачей является создание искусственного интеллекта (ИИ). Небывалый энтузиазм в отношении перспектив осуществления проекта, который в середине 20 в. был вызван развитием кибернетики и появлением электронно-вычислительных машин, давно прошел, сменившись некоторым разочарованием и даже серьезным скепсисом. Все больше ученых выражает сомнение в возможности создания ИИ на той базе, которой располагает современная компьютерная наука, особенно так называемого «сильного» ИИ, по своим функциональным способностям могущего сравниться с человеческим интеллектом. Дело здесь не столько в самих технических возможностях науки, занятой разработкой ИИ — в конце концов, технический прогресс продолжается, идя семимильными шагами и не переставая удивлять нас новыми поразительными изобретениями и технологиями. Главное — это правильно сформулировать задачу, которую предстоит решить техническими средствами. В случае с ИИ такой задачей является моделирование интеллекта как *эмпирического феномена*, т. е. явления, связанного с особенностями организации и успешного функционирования живых организмов вообще, и человека в частности, в их среде обитания. То, что исследования и разработки в области ИИ не дают пока повода говорить о решении проблемы в целом, указывает на то, что либо сама задача сформулирована неправильно, либо неверны исходные посылки в определении сущностных свойств интеллекта. Во всяком случае, можно с достаточным на то основанием констатировать, что в современной компьютерной науке имеет место непонимание феноменологической природы языка и интеллекта как взаимосвязанных и взаимообусловленных когнитивных способностей человека.

Это непонимание является причиной того, что прикладные компьютерные программы не в состоянии, например, осуществлять проверку грамматической правильности набранного на компьютере текста, как это делает, скажем, обыкновенный школьный учитель. То, что разработчики подобных программ называют «средствами проверки грамматики», на самом деле проверять ее на

содержательном уровне не способны. Самое бóльшее, что они могут — это отслеживать чисто формальные отклонения от устных норм, такие, как случайный повтор одного и того же слова или, например, отсутствие глагола в предложении в языке, где предикативные отношения обязательно оформляются с помощью морфологически маркированной глагольной лексики. На бóльшее пользователю компьютера рассчитывать, увы, пока не приходится.

По этой же причине остается в принципе нерешенной проблема автоматизированного (машинного) перевода. И хотя здесь достигнуты серьезные успехи, — правда, в основном применительно к узкоспециальным текстам с большим процентным содержанием терминологической лексики, — эта область исследований все равно еще очень далека от того, чтобы обеспечить действительно автоматизированный перевод, когда *любой* текст, введенный в машину на одном языке, на выходе предстает текстом на другом языке, *аутентичным* по форме и *адекватным* по содержанию.

Факты такого рода недвусмысленно говорят о том, что у разработчиков компьютерного программного обеспечения отсутствует адекватное понимание сверхзадачи, которую они пытаются решить. Вызвано это, скорее всего, не случайными ошибками или заблуждениями, неправильно выбранными эвристиками или недостаточной разработанностью технической базы. Причина, как представляется, в другом, а именно, в выбранном общетеоретическом методе — точнее, в его отсутствии: слово *общетеоретический* предполагает наличие *общей теории*, теории, в равной степени приложимой ко всему комплексу проблем, который наметила себе для решения данная отрасль знания — например, комплекс наук о человеке и человеческом обществе. И здесь появляется возможность в первом приближении обрисовать проблему, которая будет в центре нашего внимания в этой книге. Эта проблема — проблема метода в науке, точнее, в гуманитарной ее отрасли.

Я глубоко убежден, что наука будет продолжать пребывать в безрадостном состоянии постоянной внутренней неудовлетворенности до тех пор, пока самый термин *наука* будет продолжать употребляться характерным для нашего времени противоречивым способом. Хотя слово *наука* — как в профессиональном, так и в обиходном употреблении, — используется как общий термин (то

есть, он обозначает систематизированное знание о мире), на самом деле не существует того, что можно было бы с полным на то основанием назвать *общей наукой* (так же, как не существует того, что принято называть *общим языкознанием*). Существует широчайший спектр специальных естественных наук — например, таких, как математика или физика, занимающихся изучением физических, т. е. «объективных», свойств мира, — которые последовательно противопоставляются *гуманитарным* и *общественным наукам*, занятым изучением «субъективных» свойств мира — и все это на том малоубедительном основании, что у последних, якобы, отсутствует объективный, т. е. определяемый независимо от человека предмет изучения. Это основание малоубедительно — скорее, даже вовсе не убедительно, — по той простой причине, что всякое знание как содержание той или иной науки есть продукт интеллектуальной деятельности познающего мир человека. Этот специфический продукт существует и доступен членам человеческого сообщества (в том смысле, что они *осознают* его существование), главным образом, в языке и через язык, поэтому любая специальная область знаний (наука) несет на себе родимое пятно языка и не может существовать вне языка. Другими словами, все знание взаимосвязано (Brady 1989/1997). Как подметил Дж. Серль (Searle 1998: 7),

поскольку мы живем в едином мире, мы должны быть в состоянии объяснить, как именно разные части этого мира соотносятся друг с другом, и как все они связываются в единое целое.

Мы должны быть в состоянии объяснить, как соотносится эмпирический феномен человека с другими эмпирическими же феноменами и наоборот — в той картине мира, которую мы называем *научной*. А палитра красок, которыми пишется эта картина, есть не что иное, как естественный человеческий язык, который, в свою очередь, является свойством человека как биологического вида, представляющего собой, опять-таки, эмпирический (биологический и социальный) феномен (Chelstrom 2006). В своей книге «Семантика науки» Рой Харрис (Harris 2005) приводит убедительные доводы в пользу того, что наука является не чем иным, как языковым конструктом, а структура нашего мира отражает структуру

языка, которым мы пользуемся, говоря о нем. Тем самым, вопрос о языковом детерминизме (см. Гл. 9) становится одним из главных не только в теории языка, но и в общей теории познания.

В соответствии с определением, охватывающим одну из его существенных сторон, язык — знаковая система. Следовательно, чтобы понять язык науки, мы должны понимать значение знаков, из которых в буквальном смысле и состоит наука. В свою очередь, знаки являются объектом изучения в семиотике, поэтому на передний план выходит (точнее, должна выходить) изначальная связь науки с семиотикой (см. Гл. 7). Однако признание и, уж тем более, изучение этой связи пока еще не стало фактом, а отношения между лингвистикой и семиотикой на протяжении прошлого столетия не отличались особой близостью (Danaher 1998). Мне кажется, что многие проблемы лингвистики вызваны как раз этим существенным обстоятельством.

Тот факт, что так называемая «лингвистическая семиотика» не может похвастать сколько-нибудь серьезным прогрессом в изучении естественного языка как эмпирического феномена, обусловлен — и это представляется вполне очевидным — неадекватностью используемой методологии. Хотя этого языковеды или нет, но истинная природа языковых знаков ускользает от их внимания (Кравченко 1999) благодаря унаследованной от структурализма твердой вере в то, что знаки — это искусственные, конвенциональные, произвольные по своей природе сущности, созданные человеком для целей коммуникации. По этой причине, *сущностные* свойства языка (см. Kravchenko 2007a) остаются, по большей части, вне поля зрения исследователей. Тем не менее, как вид знаковой деятельности, язык подвержен действию общих законов семиотики, а лингвистическая семиотика, занятая интерпретацией знаков в общетеоретических рамках структурализма, тормозила и продолжает тормозить развитие общей теории языка как именно семиотической (когнитивной) деятельности (Kravchenko 2003a; Kravchenko 2012).

Неудивительно, что кардинальная не только для языкознания, но и для всей теории познания проблема значения вообще и языкового значения в частности, продолжает оставаться нерешенной, а разнообразие и спектр существующих на сегодняшний день теорий значения поражает даже самое буйное воображение. В связке

понятий, стоящих за словами *знак, значение, знание*, скрывается очевидная, и потому малозаметная истина, состоящая в том, что нельзя изучить и понять одно в отрыве от другого (Кравченко 2001а). Тем не менее, исследованием природы знаков вообще и особенностей их функционирования традиционно занимается семиотика, значение языковых знаков составляет предмет изучения в семантике и прагматике как отдельных отраслях лингвистики, а знание и познание — освященные временем и традицией объекты изучения в философии и психологии.

Более того, семиотическая деятельность человека, называемая коммуникацией, составляет предмет изучения отдельных научных отраслей, таких, например, как *теория коммуникации*, составными частями которой являются психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика и теория информации, и *герменевтика* как искусство интерпретации языковых знаков (текстов). Перечень специальных научных дисциплин, в той или иной мере имеющих отношение к различным сторонам когнитивно-языковой деятельности человека и исследующих их под различными углами зрения, можно продолжить, но ясно одно: налицо сильная раздробленность знания, извлекаемого и накапливаемого в рамках той или иной дисциплины, причем раздробленность эта достигает таких масштабов, что нередки случаи, когда представители разных школ и направлений выдвигают и отстаивают прямо противоположные идеи. Можно сказать, что история лингвистики до настоящего времени представляет собой борьбу глухих к чужим доводам фракций, называющих препирательства по поводу используемых ими ярлыков лингвистическими откровениями. Подобная фрагментация знания имеет явно негативные последствия для поступательного развития гуманитарной науки в целом, и с таким положением дел мириться нельзя. Наблюдение, сделанное в отношении той области биологии, которая занимается изучением человеческого генома с целью объяснить различия между клетками или между людьми, можно с уверенностью отнести ко всей науке в целом:

[Н]е приходится сомневаться в том, что сегодняшняя способность производить горы новых данных намного превзошла нашу способность к их осмыслению (Cornish-Bowden et al. 2004: 715).

Настало время синтезировать накопленное знание, перейдя к *холистическому* взгляду на феномен человека — тем более, что, по справедливому замечанию В. З. Демьянкова (1989: 4),

противопоставление наук «точных», или «объясняющих», наукам гуманитарным как «констатирующим» по параметру «превалирование наблюдения над теорией», особенно сегодня, не справедливо.

В центре комплекса гуманитарных наук стоит человек во всех своих проявлениях, а главным свойством человека, отличающим его от всех других живых существ, является *когнитивно-языковая способность*, способность к познанию мира и себя и, на основе полученного знания, к преобразованию себя и мира. И если с познанием мира дело обстоит более или менее благополучно, с познанием самого себя человек продвинулся не так уж и далеко. Осознание этого, по большому счету, послужило толчком к возникновению в середине 20 в. и быстрому становлению новой научной парадигмы, получившей название *когнитивной*. Усилия ученых-когнитологов, основанные на обширной эмпирической базе, направлены на «получение ответов на давние эпистемологические вопросы — в особенности касающиеся природы знания, его составляющих, его источников, его развития и применения» (Gardner 1985: 6).

Можно сказать, что задачи, поставленные когнитивной наукой, направлены на постижение сущности феномена *человечности*, а поскольку, с одной стороны, когнитивная способность человека наиболее ярко и полно проявляется в языке, а, с другой стороны, процесс научного познания имеет семиотическую природу, центральное место в когнитивной науке по праву занимает *когнитивная лингвистика*.

Сегодня слово *когнитивный* стало очень модным. Мы говорим о когнитивной грамматике (Langacker 1987; 1991; 2002; Heine 1997; Taylor 2002; Namawand 2003), когнитивной семантике (Ченки 1997; Баранов, Добровольский 1997; Кубрякова 1999; Allwood & Gärdenfors 1999; Talmy 2000; Kertész 2004), когнитивной прагматике (Nemeth 2001; Bara 2010) и, наконец, о когнитивной лингвистике (Rudzka-Ostyn 1988; Демьянков 1994; Dirven & Verspoor